

Эпигонский романтизм модных романистов и поэтов становится средством осмеяния пошлой и прозаической действительности, не достойной поэтизации, но с тем большим старанием окружающей себя лицемерным ореолом святости. Вся суть персонажей “Ярмарки тщеславия”, по Теккерю, заключается в том, чтобы свободно предаваться порокам, выдавая их за добродетели. “Наш нравственный свет возражает не против порока, а лишь против его прямого обозначения” [5, т. 4, с. 737]. «Благородная публика не более способна вытерпеть подлинное описание порока, чем утонченная английская или американская дама позволит в своем целомудренном присутствии прозвучать слову “штаны”» [5, т. 4, с. 737].

Общественное лицемерие как главный закон “Ярмарки тщеславия” и стало причиной крушения карьеры Бекки. Как бы ни была она безнравственна, не раз намекает Теккерей, ее безнравственность отнюдь не выходила за рамки того, что вполне принято, хотя и никогда не признано, в высшем свете [11, с. 305]. Чтобы продержаться в нем и занять подобающее место, Бекки прибегает к бесконечной изворотливости, к хитроумию непрестанной изобретательности и изощренности обмана.

Среди приемов Бекки Теккерей подчеркивает ее недюжинные актерские таланты, проявляющиеся и в реальной ее жизни – в отношениях с выше- и нижестоящими – и в прямой актерской деятельности. Страницы и главы книги посвящены блестящим сценическим успехам Бекки – и в любительских спектаклях, и в светских играх, шарадах, пантомимах, и в исполнении песен и романсов, нередко пародийных (как, например, песни “На балконе моем Роза”, вызывающей бури смеха и аплодисментов). Успехи Бекки в светских спектаклях представляют собой своеобразное иносказание ее продвижения по общественной лестнице: хотя у нее есть все данные для победы, она терпит поражение, потому что крайнее несоответствие средств и притязаний выводит ее за рамки осторожности; так завлекательные поступки во вкусе прославленных героинь обретают постыдную реальность.

Театральный характер взлета и падения Бекки Шарп сопоставляется у Теккерей с описанием бурной артистической жизни в крошечном немецком герцогстве (под вымышленным именованием Пумкерниккель); ее внешняя художественность, ее бурный темп, веселье и мрачность, смена радостей и горестей изображены Теккереем в том же пародийном соотношении с реальным существованием этого игрушечного государства, в каком оно само состоит с более широкими масштабами английской государственности. Нелепые, надуманные спектакли в такой же мере пародируют истинное искусство как и воспроизводимую им жизнь, игрушечные размеры которой

составляют второй ряд пародии – на этот раз уже на полномасштабную уродливость Ярмарки Тщеславия как явления всеанглийского и всеевропейского [5, т. 4, с. 589–592, 594–595, 726–731] (ср. [12]).

Если “Ярмарка” оказывается большим “зрелищным предприятием”, двусмысленным как в нравственном, так и в художественном отношении, то еще более двусмысленна роль ее автора. Как уже отмечалось, он проповедник и шут в одном лице! “И хотя изображенный на обложке моралист, выступающий перед публикой (точный портрет вашего покорного слуги), и заявляет, что не носит ни облачения, ни белого воротничка, а только такое же шутовское одеяние, в какое наряжена его паства, однако ничего не поделаешь, приходится говорить правду, поскольку уж она нам известна, независимо от того, что у нас на голове: колпак ли с бубенцами или широкополая шляпа проповедника” [5, т. 4, с. 94]. “...О, братья по шутовскому наряду! Разве не бывает таких минут, когда нам тошно от зубоскальства и кувыркания, от звона погремушек и бубенцов на шутовском колпаке? И вот, дорогие друзья и спутники, моя приятная задача в том и состоит, чтобы прогуляться вместе с вами по ярмарке для осмотра ее лавок и зрелищ, а потом вернуться домой и после блеска, шума и веселья, оставшись наедине с собой, почувствовать себя глубоко несчастным” [5, т. 4, с. 18].

Проповедник и шут, весельчак и трагик, исследователь жизни и ее отражения в литературе – таков двойственный облик Теккерей в его лучшем романе.

Окрыленный успехом, Теккерей почти сразу принялся за новый роман (“Пенденнис”), цель которого гораздо более традиционная: история личности и ее формирования-деформирования и конечного упорядочивания. В этом романе Теккерей гораздо больше раскрывает самого себя, свои жизненные и психологические перипетии. И с тем же самокритическим отстранением, с каким объявил себя одним из снобов, а затем – ярмарочным шутом, сообщает в подзаголовке, что расскажет о друзьях и “величайшем недруге” своего героя, подразумевая себя самого (“The History of Pendennis. His Fortunes and Misfortunes, His Friends and His Greatest Enemy”, 1848–1850).

С самого начала Теккерей, хотя и в шутовой форме, раскрывает полемическую направленность своего нового труда: он собирался писать роман в соревновании с господином Эженом Сю и отправить главного злодея на виселицу, но затем, по незнанию быта преступников, позволил ему удрать [5, т. 5, с. 6–7].

Определив отрицательный пример, от которого он, по мере сил, отталкивается, Теккерей отчетливо указывает и положительный пример – еще не превзойденного в своем знании Человека